

ОСОБЕННОСТИ АНТРОПОНИМИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В настоящей статье представлена попытка привлечь внимание лингвистов к еще не подвергавшимся научному анализу документам местного происхождения – дальневосточным метрическим книгам второй половины XIX в., которые были найдены нами в фондах Государственного архива Хабаровского края.

Лексическая информативность разных памятников письменности неодинакова. Это связано, прежде всего, с жанровыми особенностями каждого документа, в соответствии с которыми и распределялся лексический материал. С.И. Котков справедливо заметил: «... объективность исследования в значительной степени зависит не только от методов исследования, но и от состава тех источников, на которых оно построено, от того, насколько они изучены, в каком объеме и насколько дифференцированы от других категорий источников эти материалы привлекаются» [Котков 1968: 140].

Основное достоинство дальневосточных метрических книг как лингвистического источника (актового материала) – это наличие в них богатейших сведений по ономастике: топонимике (название деревень, сел) и антропонимике (календарные имена, а также зарождающиеся отчества, фамилии различного происхождения). Метрические книги являются одним из источников, наиболее полно характеризующих население Дальнего Востока второй половины XIX в. Таким образом, ясно, что анализируемые документы являются важным источником для изучения собственных имен в различных регионах и определения территориальных особенностей их распространения.

Особого внимания заслуживают личные именованья новорожденных и их родителей, а также имена вступивших в брак и умерших, поскольку они характеризуют представителей разных поколений, что, безусловно, расширяет временной диапазон исследуемой антропонимической лексики. В статье рассматриваются материалы дальнево-

сточных метрических книг: Охотской церкви, церковей Хабаровского края и Хабаровской церкви святой Марии Магдалины, относящиеся ко второй половине XIX в. (Ф. И-85. Оп. 44. Д. 1, 1а, 1б).

Вторая половина XIX в., с одной стороны, завершает целую эпоху в истории русских имен, с другой стороны, непосредственно предшествует современному этапу развития русских антропонимов. Поэтому без учета данных названного периода трудно понять те или иные процессы в современном русском именнике. Немалый вклад в изучение русских имен, бытовавших во второй половине XIX в., внесли исследования В.Д. Бондалетова [1983], Л.М. Щетинина [1978], В.А. Щаницына [1989] и др. В их работах рассматривается русский дореволюционный именник центральной и средней полосы России. И все же исследований, посвященных русским именам второй половины XIX в., еще недостаточно. У именника в дореволюционной России была единая основа – церковный календарь. Однако условия его функционирования в разных регионах Российской империи были различны, поэтому именник существовал в виде множества региональных вариантов. Для оживления целого (общерусского именника) необходимо изучить части этого целого – локальные именники.

История русских календарных имен свидетельствует о взаимодействии русской устной разговорной и церковнокнижной письменной речи. Это проявилось в фонетико-морфологических преобразованиях, приспособлении христианских имен к условиям русской языковой среды. Первоначально официальную канонизацию, а вслед за ней широкую распространенность получали имена, носители которых были активными деятелями христианства; такой именник первоначально был весьма невелик [Федорова 1995: 3]. Христианские личные имена проникли в древнерусский язык под влиянием старославянской письменности. С момента зарождения христианства на Руси крестильные имена, как указывает Б.А. Успенский, были, по-видимому, заимствованы у южных славян в нескольких разновидностях [Успенский 1969: 51]. С момента появления на Руси крестильные имена начали изменяться, подчиняясь фонетической и грамматической системе русского языка. Многочисленные изменения охватили как звуковую структуру слова в целом, так и структуру слога, сочетания звуков внутри и на стыке слогов, а также акцентную характеристику слова. Причиной этих изменений могли быть как лингвистические факторы (изменения, связанные с языковой адаптацией, диалектными особенностями произношения), так и экстралингвистические (ошибки малограмотных писцов, описки и т. п.). В результате появилось немало фонетических вариантов основных форм имени: каноническая, документальная, народная, разговорная формы.

Интересен тот факт, что некоторые качественные формы кре-

стильного имени могли восходить непосредственно к канонической, а некоторые к документальной форме (Дима < Димитрий, Митя < Дмитрий, Лиса < Елисавета), поэтому возведение той или иной неканонической формы календарного имени к ее первоисточнику представляет проблему.

Использование определенной формы в актовой письменности зависит от специфики документа и социального статуса именуемого [Никонов 1974: 12]. Записи в церковных метрических книгах вели чаще всего служители культа, это могли быть также и приближенные к ним лица, воспитанные в христианской традиции, поэтому имя младенца фиксировалось, как правило, в канонической форме: *Адрианъ, Афанасій, Алексій, Феодотъ, Иоаннъ, Даниїль, Илія* и др.

В светской письменности использовались документальные, народные, разговорные и качественные формы собственного имени, появление канонической формы было редким и строго обусловленным.

В метрических книгах Дальнего Востока середины XIX в., которые являются результатом записи актов регистрации, личные имена употребляются в основной, документальной, форме; патронимы также образуются от основной формы. Но не все имена записаны в строго канонической форме, что, скорее всего, обусловлено степенью грамотности и профессиональной выучки писцов. Так встречаются параллельные написания канонических и народных форм личного имени: *Адрианъ – Андрей, Даниїль – Даниль* и др. (Ф. И-85. Оп. 44. Д. 1, 1а).

Неканонические формы крестильных имен, как уже говорилось, могут претерпевать самые различные изменения. Влияние народной разговорной стихии прослеживается во многих метрических записях. Например, формы мужского имени на *-ия* были непопулярны в России, где формант *-ия* являлся продуктивным для форм женского рода, отсюда стремление избавиться от конечного сочетания *-ия* в формах мужского рода. Формант либо опускался, как в формах типа *Захаръ* из *Захарія, Макаръ* из *Макарія*, либо заменялся на продуктивный для форм мужского рода формант *-ей*: *Авдей* из *Авдія*, либо происходила редукция [и], как в форме *Илья* вместо *Илія* (Ф. И-85. Оп. 44. Д. 1а).

Результат воздействия одних форм христианских имен на другие наращение основ: появлялись так называемые гиперкорректные формы имени. Такими источниками наращения были формы на *-ей* и *-ий*: *Акинфий / Акинфей* из *Акинфъ, Кондратий* из *Кондратъ, Климентий* из *Климентъ* (Ф. И-85. Оп. 44. Д. 1, 1а, 1б). Многие мужские имена, напротив, потеряли к изучаемому периоду конечные элементы и получили основу на твердый согласный: *Антоний – Антонъ, Дионисий – Денисъ, Ефимий – Ефимъ, Макарий – Макаръ, Назарий – Назаръ, Тарасий – Тарас*. (Ф. И-85. Оп. 44. Д. 1а)

Однако следует отметить группу имен, которая не подвергалась

изменениям, данные имена выступают только в неусеченной форме на *-ий, -ей, -ай*: *Георгій, Дорофей, Евтей, Ерофей, Матвей, Моисей, Николай, Тимофей* (Ф. И-85, Оп. 44, Д. 1, 1а, 1б).

От полной канонической формы могут образовываться полные документальные и народные формы. Формант *-ий*, воспринимающийся как книжный, в народных формах часто заменяется на разговорный формант *-ей*, одновременно изменяется акцентный характер антропонимической лексемы: *Алексей, Василей, Лаврентей, Леонтей, Сергей* (соответствуют каноническим *Алексій, Василій, Лаврентій, Леонтії, Сергій*). Подобные имена на *-ий* имели вариативное написание конца основы, примеры данного параллелизма форм мы находим в метрических книгах (*Василий – Василей, Григорий – Григорей*) (Ф. И-85. Оп. 44. Д. 1, 1а, 1б). Народно-русское *-ей* закреплялось в том случае, если на *-е* падало ударение (*Алексей, Сергей*), при безударном конечном слоге закреплялось традиционно-книжное *-ий*. В исследованном материале встречены параллельные написания, причем имена в канонической форме характерны для записей новорожденных, а их разговорные варианты для записей родителей и восприемников.

Структурные изменения, которым подвергаются христианские имена, естественно, не исчерпываются усечением или наращением основ. Гласные звуки в составе основных форм календарных имен претерпевают различные изменения. Так, начальный звук [и] может быть опущен или редуцирован в [j]: *Ерофей – Иерофей, Сидорь – Исидорь, Устинь – Иустинь, Ульянь – Иулианий, Яков – Иаков* (Ф. И-85. Оп. 44. Д. 1, 1а). Следует отметить разницу инициальных графем при написании одинаковых имен: *Иулиань – Ульянь, Иаковь – Яковь* (Ф. И-85. Оп. 44. Д. 1, 1а). Очевидно, с помощью *i* (десятиричного) писец хотел подчеркнуть каноничность формы имени новорожденного.

В ряде имен, по данным дальневосточных метрических книг, произошло стяжение гласных. Так как в русском языке было несвободное соседство двух или трех гласных (в отличие от греческого языка), то от лишних гласных он избавлялся путем стяжения: *Авраамь – Аврамь, Даниіль – Даниль, Дионисій – Денись, Феодорь – Федорь, Симеонь – Семень*. (Ф. И-85. Оп. 44. Д. 1а) Законы фонетики русского языка позволяли сочетать в пределах одного слога только определенные группы согласных. Группы тождественных согласных часто упрощались путем выпадения одного согласного звука: *Архипь, Филипь, Кирилль, Маркель* (вместо канонических форм имени *Архиппъ, Филиппъ, Кирилль, Маркелль*) (Ф. И-85. Оп. 44. Д. 1, 1а, 1б).

Итак, изучение личных имен, зафиксированных в дальневосточных метрических книгах второй половины XIX в., позволило установить, что процесс освоения русского канонического именника в его региональном варианте в середине XIX в. еще не завершился. Приве-

денные примеры свидетельствуют, что народные или разговорные формы имен чаще всего возникали как результат комплексных фонетических изменений канонической формы. Данные антропонимы называли лиц, принадлежащих к разным социальным слоям. Дальневосточные метрические книги, таким образом, представляют собой большую ценность как источник по антропонимии, так как позволяют не только установить бытование определенного имени, но и проследить происходящие в этом имени изменения, определить поэтапное приобретение именами их современного звукового состава.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондалетов В.Д.** Русская ономастика. М., 1983.
- Котков С.И.** О развитии лингвистического источниковедения // Вопросы языкознания. 1968. № 2. С. 140 – 143.
- Никонов В.А.** Имя и общество. М., 1974.
- Успенский Б.И.** Из истории русских канонических имен. М., 1969.
- Федорова М.В.** Русские имена в XX веке. Белгород, 1995.
- Щаницын В.А.** Народные личные имена. М., 1989.
- Щетинин Л.М.** Русские имена: Очерки по донской антропонимии. М., 1978.